

Наступило время утренней зарядки. Из динамиков раздавалась бодрая музыка радиогимнастики, а звучные «раз-два, три-четыре» диктора эхом разносились по всей школе. Под звуки величественного марша Лу Жун и Цзи Вэньфэн встретились взглядами.

Цзи Вэньфэн, облокотившись на перила, небрежно бросил вызов:

— Тебе не нравится прическа, которую я тебе сделал?

Лу Жун подумал, что, строго говоря, это не совсем так. Цзи Вэньфэн делал это не для него, а для себя. А вот он приложил немало труда, чтобы создать гордую прическу на макушке Цзи Вэньфэна.

Однако Лу Жун не собирался играть роль острого на язык персонажа. Если он не сможет выносить властного молодого господина, а будет острым на язык и саркастичным, это станет похоже на сериал «Сад падающих звезд», поэтому он просто молча отвернулся, притворившись оскорбленным до глубины души.

Цзи Вэньфэн уловил выражение его лица и, почувствовав удовлетворение, ощутил прилив злорадства. Но его лицо становилось все холоднее и надменнее, словно покрывалось инеем:

— Тебе, должно быть, не нравится то, что я тебе даю.

Лу Жун вопросительно посмотрел на него.

Проходя мимо, Цзи Вэньфэн предостерегающе похлопал его по плечу и прошептал так, чтобы слышали только они двое:

— Если я еще раз увижу тебя в кепке, арендная плата за этот месяц увеличится вдвое.

Тогда Лу Жун медленно и решительно снял кепку.

Чем дольше Цзи Вэньфэн смотрел на его новую прическу, тем больше он приходил в восторг и не удержался от желания погладить его по голове. Но, коснувшись мягких, тонких волос Лу Жуна, он вдруг осознал, что его жест был слишком нежным.

«Вдруг этот парень решит, что он мне нравится? Нет, нельзя позволить ему так легко отделаться», — подумал он. Напряженно скривив губы, он, после серии поглаживаний, слегка толкнул голову Лу Жуна, зашел за угол и тайком потер пальцы — волосы у этого парня были на удивление приятными на ощупь.

Лу Жун, наблюдая за уходящим Цзи Вэньфэном, задумчиво посмотрел на кепку в своей руке.

Цзи Вэньфэн хотел, чтобы он продемонстрировал свою новую прическу. Зачем ему это?

Лу Жун нашел слово, которое могло бы это объяснить: выпендривается.

Цзи Вэньфэн хотел продемонстрировать свой безупречный вкус и получить общественное признание. Он считал его своей собственностью и желал переделать его с нуля. Если все решат, что Лу Жун стал красавчиком благодаря ему, то это лишь подчеркнет яркую индивидуальность Цзи Вэньфэна.

Но ему совсем не хотелось красоваться в школе с такой прической в японско-корейском стиле.

Гу Ицзюнь был тронут его печальной историей и великодушно разрешил отложить исправление прически на неделю. Но если он не сделает это, у него точно будут проблемы с Чжу Жэньляном. Лу Жун представил, как Чжу Жэньлян дергает его за ухо и качает головой, и в этот момент Цзи Вэньфэн распахивает дверь и говорит: «Он мой». Это будет конец. Он, Лу Жун, больше не сможет оставаться в старшей школе Чэннань.

Что делать?

Решение пришло к Лу Жуну во время упражнения на повороты корпуса.

Он вошел в классную комнату 6-го класса, положил кепку, которую держал в руке, на парту Янь Гоу, затем вышел из классной комнаты 8-го и, глядя в окно, расчесал волосы рукой.

На данный момент он решил поступить так, как приказал Цзи Вэньфэн.

Разве он не просто красивый парень? Разве он недостаточно хорош для этого?

Когда Лу Жун вошел в класс, Го Цзин с ногой в гипсе воскликнул:

— Кто ты такой?!

Фан Чан, закончив зарядку, поднимался вверх вместе с Ли Наньбянем:

— У Го Цзина нога в гипсе, ему трудно передвигаться. Позаботься о нем.

Ли Наньбянь опешил:

— Почему я?! Я сижу далеко от него!

Фан Чан:

— Разве ты не заботишься о своих одноклассниках и не любишь помогать другим?

Ли Наньбянь пробормотал:

— Разве у меня есть такие хорошие качества?!

Фан Чан удивленно воскликнул:

— Позавчера у Лу Жуна болел живот, а ты все равно побежал к нему вместе со мной.

Стоило Фан Чану бросить на Ли Наньбяня вопросительный взгляд, как тот тут же прикусил язык, проглотив объяснения. Во имя безопасности всей Команды зла, босс Лу строжайше наказал им не сближаться, дабы не вызвать подозрений. Особенно это касалось Лу Жуна и Ли Наньбяня: они почти не общались наедине в классе и даже в туалет ходили поодиночке, чтобы никто не догадался об их крепкой дружбе.

— Я хотел найти Лу Жуна, но у него, оказывается, сотрясение мозга, — пояснил Фан Чан.

Ли Наньбянь внутренне насторожился: когда это босс успел получить травму?

— ...Ты просто кормишь Го Цзина и помогаешь ему с домашкой, — продолжал Фан Чан. — Ах да, еще нужно будет помогать ему ходить в туалет.

— Да он весит 90 килограмм!

— Это вес дружбы, — назидательно изрек Фан Чан.

Необъяснимым образом на Ли Наньбяня свалилась дополнительная работа. С тягостным чувством он вошел в класс и увидел, что вокруг Лу Жуна столпился народ. «Наверняка опять рисуют граффити на гипсе Го Цзина», — подумал он. Фан Чан пропихнул Ли Наньбяня вперед, намереваясь объявить, что теперь заботу о Го Цзине берет на себя одноклассник Ли.

Но когда они протиснулись сквозь толпу, оба замерли в изумлении.

— Красавчик, ты кто?! — вырвалось у Ли Наньбяня.

— У тебя же сотрясение мозга! — воскликнул Фан Чан.

— Лу Жун оказывается ничего так, почему я раньше этого не замечала? — ахнула девочка А.

— Да у вас просто глаза разучились видеть прекрасное! — гордо заявила девчонка-яойщица. Она-то сразу разглядела в Лу Жуне потенциальную жертву для своих фантазий.

— Нет, дело в прическе! — возразила девочка Б. — Прическа решает все!

Девочка С кокетливо поиграла кончиками волос:

— Тоже хочу сделать химию! Лу Жун, в каком салоне ты делал?

Лу Жун сидел, широко раскрыв глаза, и молча перебирал свой пенал, то открывая, то закрывая его. Выражение его лица было спокойным и отрешенным, словно он уже не принадлежал этому миру.

Все девочки обменялись многозначительными взглядами, в которых читалось одно и то же: он стал красивым, но с головой по-прежнему не все в порядке.

Фан Чан долго смотрел на Лу Жуна с недоверием:

— Ты мне врал! — Он развернулся и ушел, бросив на ходу: — Ты мне больше не нужен! Сам объясняйся с классным руководителем и завучем!

Он воспользовался его добротой и даже попросил предупредить учителей. Но Лу Жун так и не поделился адресом салона, где ему сделали такую естественную завивку! Это Фан Чан счел предательством.

Дождавшись, пока тот уйдет, Ли Наньбянь обратился к Лу Жуну:

— С тобой все в порядке?

Лу Жун поднял руку и показал жест ОК, мол, все под контролем.

Ли Наньбянь покосился на Го Цзина, возвышавшегося рядом с ним как гора:

— У меня тут кое-какие дела...

Лу Жун пододвинул к нему ручку и бумагу, и Ли Наньбянь, весь в тревоге, записал указания Фан Чана. Уже по одному списку было видно, насколько сложной задачей станет забота о Го Цзине, даже для такого способного человека, как Ли Наньбянь. В конце концов, он же был лучшим продавцом в их Команде зла! Откуда у него возьмется время на уход за одноклассником?

Го Цзин, с круглым и бледным лицом, тут же забеспокоился:

— Что ты пишешь?

Ли Наньбянь разорвал бумагу и спрятал ее в карман:

— ...Ничего.

— ...?

Ли Наньбянь посмотрел на Лу Жуна, и тот кивнул, показывая, что все понял. Ли Наньбянь вздохнул с облегчением и пошел на свое место. Он безгранично доверял и восхищался Лу Жуном: нет ничего невозможного, пока за дело берется босс. А ему оставалось только ждать, когда босс придумает, как выпутаться из этой ситуации.

Вскоре этот момент настал. Лу Жун прислал ему сообщение в Вичате с просьбой провести переговоры с Фан Чаном.

Ли Наньбянь обреченно вздохнул:

— Ладно, я иду!

— Нет, погоди немного, — ответил Лу Жун. — Подожди, пока Гу Ицзюнь и Фан Чан поговорят.

— О чем?

Лу Жун не стал объяснять.

Янь Гоу тоже прислал фотографию кепки и вопросительный знак.

— Теперь твоя, — ответил Лу Жун.

— Спасибо, босс!

— Пожалуйста.

Следующим уроком был китайский. Гу Ицзюнь, одетый в костюм и начищенные до блеска кожаные туфли, вошел в класс с учебниками в руках. Фан Чан тут же громко заявил:

— О, Лу Жун, у тебя очень крутая завивка!

И тут же спрятал усмешку. Вот что бывает с теми, кто злоупотребляет его добротой и забывает о чести и совести! Ха-ха!

Лу Жун уже догадывался, что тот собирается его подставить. Он слегка улыбнулся: «Фан Чан, Фан Чан, неудивительно, что над тобой все смеются. Ты просто жалкий стукач».

Как только Гу Ицзюнь услышал, что кто-то упомянул прическу Лу Жуна, он тут же опустил голову и открыл учебник, готовясь к уроку. Он просто хотел избежать дарения красного конверта, а крики Фан Чана бередили его совесть.

Фан Чан, видя, что классный руководитель никак не реагирует, решил, что в классе слишком шумно и тот не расслышал. Он продолжил свои попытки и крикнул Лу Жуну:

— У тебя корейская воздушная челка,* да?

[Корейская воздушная чёлка (wispy bangs, с англ. «жидкая чёлка») — лёгкая и воздушная чёлка, сквозь которую просвечивает лоб. Для неё характерны тонкие, будто бы прилипшие друг к другу пряди, которые придают причёске динамику.]

Под эти крики половина класса повернулась, чтобы посмотреть на корейскую челку Лу Жуна, а вторая половина - на Фан Чана.

— Староста, откуда ты так хорошо разбираешься в моде?

Лу Жун сидел в заднем ряду. Никто не знал, что он заранее предупредил классного руководителя. Он сидел с пустыми глазами и рылся в своем пенале.

Гу Ицзюнь наконец почувствовал, что ему нужно вмешаться. Он позвал Фан Чана выйти в коридор.

— Лу Жуну нужно будет носить эту прическу всю неделю, — сказал Гу Ицзюнь. — А ты должен помочь ему ее скрыть.

Фан Чан бросил взгляд за окно, поднял голову к небу под углом сорок пять градусов. Он не понимал, почему все так обернулось.

Гу Ицзюнь с грустью произнес:

— Когда Лу Жун родился, его отца посадили в тюрьму за преступление. Родственники отца уговорили его родителей развестись, чтобы не обеспечивать мать и сына. Она растила его одна, и в эти выходные она выходит замуж. Она потратила последние деньги, чтобы купить ему новый костюм и сделать завивку, надеясь, что все будут выглядеть красиво и гармонично на свадебной фотографии.

Фан Чан ахнул: «Что я наделал?! Я чуть было не навредил Лу Жуну! А ведь он всего лишь ребенок, который хочет покрасоваться перед мамой на ее свадьбе с модной корейской челкой!»

Фан Чан торжественно пообещал Гу Ицзюню:

— Я защищу Лу Жуна!

Двое мужчин смотрели друг на друга с всплеском человеческого благородства.

Когда они вернулись в класс, Лу Жун сразу заметил выражение лица Фан Чана. Как только староста встретился с ним взглядом, он опустил голову от стыда. Лу Жун подал знак Ли Наньбяню, что теперь он может поговорить с ним о Го Цзине.

После уроков Ли Наньбянь подошел к Фан Чану:

— Староста, может, поручим заботу о Го Цзине Лу Жуну? У него же нет сотрясения мозга, и он сидит с Го Цзином за одной партой.

— Нет! — отрезал Фан Чан. — Лу Жун и так бедный и несчастный, не будем его больше беспокоить!

Ли Наньбянь подумал, что босс несколько не несчастный, но продолжил действовать по инструкциям Лу Жуна:

— Уход за Го Цзином теоретически можно считать подработкой. В больнице за уход за пациентами платят деньги. Когда я раздаю листовки, мне платят 50 юаней в час. В худшем случае мы можем платить Лу Жуну 50 юаней в день. Таким образом, мы позаботимся и о нем, и

о Го Цзине. У нас же остались еще деньги из членских взносов класса?

— Э-э... — замялся Фан Чан. Взносы еще оставались, но...

— Как насчет сорока? — прошептал Ли Наньбянь.

— Семья Лу Жуна... — спросил Фан Чан.

— Живет очень бедно, — ответил Ли Наньбянь.

— Хорошо, — согласился Фан Чан.

Сердце Фан Чана смягчилось. Учитывая, что работа эта неблагодарная, весь класс должен выполнять ее по очереди. Но смена неизбежно приведет к небрежности, а это может навредить Го Цзину, который принес честь классу. Если же поручить это одному человеку и платить ему за это деньги, то будет с кого спросить.

Ли Наньбянь, пользуясь моментом, продолжил:

— Если Лу Жун будет заботиться о Го Цзине, ему не нужно будет посещать те уроки, на которые Го Цзин не ходит. Например, физкультуру, музыку и рисование.

— ...Теоретически, — согласился Фан Чан.

— Спасибо, староста! Он обязательно согласится!

Ли Наньбянь, получив согласие, тут же отправил сообщение в групповой чат:

— Ребята, есть работа! 40 юаней в день, без физкультуры, музыки и рисования! Кто хочет?